

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2026. № 62. С. 170–191.

Научная статья

УДК 331.522(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.170>

Рынки труда северных территорий России в 2019–2023 гг.

Гильтман Марина Андреевна^{1✉}, кандидат экономических наук, доцент, профессор
Мерзлякова Анастасия Юрьевна², кандидат экономических наук, профессор
Ларионова Наталия Ивановна³, кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, Россия

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия

¹ m.a.giltman@utmn.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8612-5327>

² a.y.merzlyakova@utmn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5647-7420>

³ natasha-lari@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4668-6717>

Аннотация. Представленная работа посвящена анализу процессов, проходящих на локальных рынках труда северных территорий России в 2019–2023 гг. Обзор результатов эмпирических исследований показал, что северные территории РФ дифференцированы по показателям экономического развития, отраслевой структуры, характеристикам рынков труда. Цель данной работы — выявить и показать изменения основных характеристик занятости и рынков труда северных территорий за пятилетний период 2019–2023 гг., отличающийся высокой частотой воздействия внешних макрошоков. Анализ проведен на данных Росстата, агрегированных по регионам и территориям районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностям и / или Арктической зоне РФ. В работе была проанализирована динамика миграционного прироста населения, численности и структуры занятости, заработной платы и показателей напряженности на региональных рынках труда северных территорий. Исследование показало, что, несмотря на сохраняющуюся неоднородность рынков труда северных территорий по многим показателям, положительная динамика некоторых из них наблюдалась даже у депрессивных регионов. По совокупности положительных изменений лидирующие позиции были у Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, отрицательных — у Республики Коми. Результаты проведенного анализа могут быть использованы при реализации демографической, миграционной и социальной политики, а также при разработке программ, направленных на регулирование региональных рынков труда северных и арктических территорий.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, Крайний Север, Российская Арктика, спрос на труд

Labor Markets of the Northern Territories of Russia in 2019–2023

Marina A. Giltman^{1✉}, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor

Anastasia Yu. Merzlyakova², Cand. Sci. (Econ.), Professor

Natalia I. Larionova³, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

^{1,2} Tyumen State University, ul. Volodarskogo, 6, Tyumen, Russia

³ Kazan Federal University, ul. Kremlyovskaya, 18, Kazan, Russia

* © Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Ларионова Н.И., 2026

Для цитирования: Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Ларионова Н.И. Рынки труда северных территорий России в 2019–2023 гг. // Арктика и Север. 2026; 62: 170–191. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.170>

For citation: Giltman M.A., Merzlyakova A.Yu., Larionova N.I. Labor Markets of the Northern Territories of Russia in 2019–2023. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 62: 170–191. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.170>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ m.a.giltman@utmn.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8612-5327>

² a.y.merzlyakova@utmn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5647-7420>

³ natasha-lari@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4668-6717>

Abstract. The paper analyses the processes taking place in the local labor markets of Russia's northern territories in 2019–2023. A review of the results of empirical studies showed that the northern territories of the Russian Federation differ in terms of economic development, sectoral structure and labor market characteristics. This work aims to identify and show changes in the main characteristics of employment and labor markets of the northern territories over the five-year period 2019–2023, characterized by a high frequency of exposure to external macro-shocks. The analysis was conducted using Rosstat data aggregated by regions and territories of the Far North and equivalent areas and/or the Arctic zone of the Russian Federation. The work analyzed the dynamics of migration growth of the population, the number and structure of employment, wages and indicators of tension in the regional labor markets of the northern territories. The study showed that, despite the continuing heterogeneity of the labor markets of the northern territories in many indicators, positive dynamics were observed in some of them, even in depressed regions. In terms of the aggregate positive changes in indicators, the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra was in the lead, while the Komi Republic showed negative changes. The results of the analysis can be used in implementing demographic, migration and social policies, as well as in developing programs aimed at regulating regional labor markets in northern and Arctic territories.

Keywords: *employment, labor market, Far North, Russian Arctic, labor demand*

Введение

Северные территории России ¹ занимают около 70% территории страны, на них проживает около 7% населения РФ. В научной и деловой литературе проживание на Севере ассоциируется с экстремальными природно-климатическими условиями жизни, проблемами с инфраструктурой, удалённостью от центра страны, миграционным оттоком населения [1, Пиясов А.Н.; 2, Крюков В.А.; 3, Трофимов С.Е.; 4, Гильтман М.А., Обухович Н.В., Ларионова Н.И.]. При этом редко во главу угла ставятся вопросы дифференциации развития северных территорий, хотя проблемы неравномерности экономического и социального развития поселений Крайнего Севера стоят очень остро. Даже не обращаясь специально к статистическим данным, любой читатель, интересующийся проблемами Севера и Арктики, может сказать, что уровень жизни, например, в Воркуте и Салехарде, Республике Тыва и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре существенно отличается. Российский Север очень разнообразен: можно выделить старые промышленные северные регионы, такие как Мурманская и Архангельская области; этнические республики Саха (Якутия), Коми, Тыва, Карелия; богатые добывающие автономные округа Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра, Ненецкий; другие группы регионов [4]. Отдельное место среди всех северных регионов РФ занимает Российская Арктика, где проживает менее 2% населения страны и производится около 6–7% ВВП. Освоение территории Арктики обозначено одним из больших вызовов и приоритетов Стратегии научно-технологического развития РФ до 2035 года. Важность геополитического положения Арктики и богатые запасы природных ресурсов объясняют активную позицию государства в регулировании развития этой территории. Из последних поддержи-

---

¹ Здесь и далее, если не указано иное, используем как общее название территорий РФ, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям и / или Арктической зоне РФ.

вающих инициатив государства стоит отметить «Арктический гектар» и «Арктический вызов», направленные на привлечение населения в Арктику и создание там благоприятных условий жизни, в том числе для кадров высокой квалификации. В добывающих регионах Арктики работают крупнейшие инвесторы и работодатели России: Газпром, Роснефть, Лукойл, Норникель, Северсталь, Алроса и др., привлекая квалифицированных работников и обеспечивая им достойную заработную плату. При этом даже в менее многочисленной по составу регионов Арктической зоне РФ, по сравнению с районами Крайнего Севера, разница в размерах региональных среднемесячных начисленных заработных плат достаточно велика — до 2,5 раз.

Одной из особенностей проживания на Крайнем Севере является высокая роль занятости, если речь не идет о коренных этнических группах. Соответственно, для закрепления и привлечения населения на северные территории надо понимать, какие возможности для трудоустройства существуют в том или ином регионе, как функционируют их рынки труда. Современные инвестиционные проекты высокотехнологичны, потребность в работниках разной численности и квалификации крайне изменчива на разных этапах их (проектов) реализации. Вариабельность спроса на труд приводит к тому, что экономическая необходимость постоянного проживания населения в районах Крайнего Севера и Арктики снижается, все большее распространение получают временные формы занятости [5, Замятина Н.Ю., Пиласов А.Н.; 6, Пиласов А.Н.; 2, Крюков В.А.]. Как следствие, наблюдается падение спроса на труд и сокращение численности населения северных городов и регионов [7, Khoreva O., Konchakov R., Leonard C. и др.]. В последние годы рынки труда всех регионов испытывали воздействие разных внешних факторов: как глобальных шоков (например, пандемия COVID-19), так и изменений, влияющих на их (рынков труда) функционирование: например, сокращение численности трудовых ресурсов. В описанных быстро меняющихся условиях функционирование рынков труда северных территорий должно было стать ещё более гибким и адаптивным. Цель данной работы — выявить и показать изменения основных характеристик занятости и рынков труда северных территорий за пятилетний период 2019–2023 гг. На момент написания статьи 2023 г. — это год последних доступных, наиболее свежих данных, а функционирование рынков труда в период, предшествующий 2019 г., уже достаточно хорошо изучено, о чём пойдет речь в следующем разделе.

Рынки труда северных территорий: обзор исследований

Существуют разные подходы и уровни анализа северных территорий. Ряд исследователей рассматривают Север и Арктику как единый макрорегион, выделяя общие особенности для стран, регионов и городов, входящих в него. При таком подходе российская территория рассматривается как составная часть Арктики, сравниваются её сходства или различия с арктическими регионами и городами других стран. Среди общих тенденций отмечают старение населения (несмотря на то, что в среднем население северных террито-

рий большинства стран более молодое, чем в других регионах), выравнивание гендерного соотношения (ранее преобладало мужское население), концентрацию населения в крупных городах при депопуляции небольших поселений, высокую миграционную активность населения, во многом определяемую спросом на труд [8, Carson D., Carson D., Nordin G. et al.; 9, Emelyanova A.; 10, Hamilton L., Wirsing J., Saito K.; 11, Kadenic M.; 12, Rolfe J., Miles B., Lockie S. и др.; 13, Suopajärvi L., Poelzer G., Ejdemo T. et al.; 14, Tano S., Pettersson O., Stjernström O.; 15, Wilson E., Stammler F.; 6, Пилясов А.Н.; 16, Heleniak T.].

Основная специфическая черта северных и арктических территорий всех стран, влияющая на рынок труда, — высокая миграционная активность населения [17, Соколова Ф.Х.; 18, Howe E.]. Это можно объяснить тем, что большая доля арктических поселений характеризуется небольшой численностью населения и небольшим размером самих поселений, поэтому миграция оказывает значительное влияние на общие изменения населения и изменение человеческого капитала на Севере и в Арктике [16]. Внутренняя мобильность в северных и арктических регионах характеризуется оттоком молодых людей из периферийных районов в городские центры [16; 19, Lundgren A., Randall L., Norlén G. и др.]. Основными причинами для такой направленности являются более развитые рынки труда и образовательные возможности [19; 4]. При этом более высокий уровень образования увеличивает вероятность поселения в крупных городах, занимающих центральное место на рынке труда [20, Glaeser E.]. Поскольку более высоких уровней образования, как правило, достигают молодые работники и женщины, то они в основном и перемещаются из небольших северных городов в крупные [7; 21, Huskey L., Howe E.]. Кроме миграционной активности, на рынки труда северных и арктических регионов оказывает влияние высокий уровень урбанизации северных территорий, который часто объясняется тем, что спрос на труд концентрируется в городах [22, Larsen J.N., Fondahl G.; 21]. Замятина и Гончаров [23] подчёркивают, что в России Арктика — самая урбанизированная часть страны: по состоянию на начало 2016 г. в Арктической зоне Российской Федерации 89% населения проживало в городах. Высокую долю городского населения на северных и арктических рынках труда отмечали и другие российские ученые [24, Смирнов А.В.]. Замятина и Гончаров [23] определили следующие типы российских арктических городов: немногочисленные ключевые многофункциональные центры; периферийные административные центры; портовые центры; промышленные внутриконтинентальные центры.

Разные типы поселений, неоднородное распределение природных ресурсов, разная удалённость от центральных городов страны и другие особенности порождают региональные отличия северных территорий друг от друга, которые часто выступают предметом самостоятельных исследований. Например, в работах по Российской Арктике отмечается, что часть регионов входят в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ) только частично, что вызывает определённые трудности для анализа экономических процессов, протекающих на данной территории. Например, Воркутинский и Усинский районы расположены очень

близко друг к другу, социально-экономические процессы там очень схожи, но второй формально не является частью АЗРФ [25, Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С. и др.]. Только четыре региона полностью включены в АЗРФ (Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Во всех остальных регионах могут проявляться тенденции, характерные не только для Арктики.

С точки зрения анализа состояний рынков труда интересным представляется тот факт, что, несмотря на то что Россия является лидером по произведённому в Арктике ВРП, наблюдается существенная дифференциация доходов населения по полюсам бедности и богатства в арктическом регионе России [1]. Как правило, речь идёт о «богатых» Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах и других субъектах АЗРФ. Доля первичного сектора составляет более 50% также только в двух регионах-лидерах (Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО). ВРП Ненецкого автономного округа один из самых высоких в Арктике и превосходит ВРП, например, Карелии в 15,6 раза. Столь высокий уровень дифференциации экономического развития не характерен для других арктических стран [26, Гильтман М.А.]. Сегрегация на прогрессивный и депрессивный полюса характерна для российских арктических территорий больше, чем для любых других северных территорий мира [27, Tsykalov A., Goncharov R., Koptseva N. и др.]. Неравномерное экономическое и социальное развитие северных и арктических регионов приводит к тому, что на Севере РФ расположено множество территориально обособленных локальных рынков труда, которые формируются в отдельных муниципальных образованиях. Больше всего работников в Арктике приходится на Ямало-Ненецкий АО (33,2%), Мурманскую (24,6%) и Архангельскую обл. (20,4%). Меньше всего — на Республику Саха (Якутия) (0,9 %) [28, с. 172]. Арктические рынки труда размещены равномерно между европейской и азиатской частями [16]. Преобладают смешанные рынки труда — 32,8% и добывающие — 22,4%, меньше всего обрабатывающих — 8,6%. В европейской части Российской Арктики располагается больше обрабатывающих и закрытых рынков труда. Добывающие и инфраструктурные рынки труда расположены в основном в азиатской части [25]. Самое высокое значение уровня занятости характерно для Чукотского АО (75,4%), минимальное — для Архангельской области (56,1%). При этом наблюдается изменение структуры занятости. В 2000 г. рабочие со средним (общим и профессиональным) уровнем образования были наиболее востребованы, тогда как в 2018 г. наибольшую долю рынка труда занимали работники со средним профессиональным образованием (45%) и высшим образованием (34,2%). Среди безработных преобладают работники со средним общим образованием (29,4%) и средним профессиональным образованием (39,4%) [29, Romashkina G., Skipin D., Yukhtanova Y. и др.].

Снижение трудового потенциала и деформация возрастного состава в северных регионах во многом обусловлены сокращением населения Севера РФ (с 1989 по 2020 гг. оно сократилось на 22,6%) [24]. Наибольшая доля населения трудоспособного возраста была в тех регионах Российской Арктики и Крайнего Севера, где высокая доля занятости связана с

добычей природных ресурсов, например, нефти, газа и полезных ископаемых [30, Jungsberg L., Wang S.]. Так, доля населения трудоспособного возраста превышала 75% в муниципальных образованиях Чукотки, городских поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа и городе Норильске Красноярского края. На социально-демографические характеристики северных и арктических регионов влияет также этнический состав населения. Представители коренных малочисленных народов Севера менее склонны к межрегиональной и международной миграции, у них выше показатели рождаемости и ниже — продолжительности жизни [10]. Самые высокие уровни рождаемости населения наблюдаются в национальных республиках Саха (Якутия) и Коми, а также автономных округах — Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском [31, Фаузер В.В., Смирнов А.В.]. При этом предыдущие исследования документально подтверждают более низкие результаты в образовательной и трудовой деятельности для коренных народов по сравнению с остальным населением [32, Anderson I., Robson B., Connolly M. et al.]. Например, законченное высшее образование есть только у 4,9% чукчей, тогда как у всего населения этот показатель составляет 15,7%. Для северных и арктических этнических территорий необразованность коренных народов частично объясняется отсутствием местной инфраструктуры, особенно высших учебных заведений [16], что в конечном итоге приводит к снижению конкурентоспособности на рынке труда и снижению возможностей занятости.

Пространственное распределение мигрантов по субъектам АЗРФ определяется структурой региональной экономики и особенностями занятости, а также уровнем и качеством жизни населения. Одно из последних исследований на уровне населённых пунктов было проведено в 2019 г. Оно затронуло 177 населённых пунктов Российской Арктики. Более 75% испытали сокращение населения в основном из-за миграционного оттока [16]. Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа показали сильный положительный прирост. Самый резкий демографический спад произошел в Коми, где Воркута потеряла почти 40% населения. Восточная часть Российской Арктики также сокращалась. В Магаданской области и на Камчатке наблюдалась значительная убыль населения из-за отрицательного естественного прироста и миграционного оттока [33, Skrupskaya Y.]. Красноярский край и Республика Саха (Якутия) — это территориально большие субъекты РФ, поэтому там достаточно интенсивная внутренняя миграция. В Архангельской области и Республике Коми движение населения в основном происходит из сел и малых городов в крупные города с более высоким уровнем жизни. Интенсивно развивающиеся и экономически благополучные автономные округа (Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский) привлекают большие потоки маятниковых мигрантов — «вахтовиков» [17]. Для современной Российской Арктики отток населения и сокращение численности населения более значительны в восточных регионах, особенно в регионах, являющихся традиционными для коренного населения Арктики [16]. Активнее всего население уезжало из республик Саха (Якутия) и Коми. Коэффициент миграционного прироста был отрицательным: от -15,7 до -24,4 чел. на 1 000 жителей

соответственно [31]. Самый высокий отток населения демонстрировали регионы с моносоциальными, т. е. недиверсифицированными рынками труда [25]. Многие исследователи сходятся во мнении, что решение проблем неравномерного развития северных и арктических регионов и их устойчивое развитие зависит от расширения и развития функций крупных городов как баз комплексного межрегионального развития [27]. В то же время отмечается дифференцированность арктических городов и необходимость перехода к политике «на местах» как более адекватной в условиях существующих различий [23].

Таким образом, состояние рынков труда, численность и структура рабочей силы в северных и арктических регионах определяются динамикой демографических характеристик населения и миграционных процессов. Северные локальные рынки труда сильно дифференцированы по структуре и возможностям занятости, зависят от экономической специализации региона и ресурсных циклов. Помимо общих факторов, проявляющихся на наднациональном, национальном, региональном и местном уровнях, ряд исследователей подчёркивают, что, например, на решение о миграции влияют характеристики индивидов и домохозяйств [34, Hamilton L., Mitiguy A.], а также условия занятости в других регионах страны [4].

Миграционный прирост и занятость населения

В более ранних исследованиях мы уже писали о том, что рынки труда северных территорий РФ, по сравнению с рынками труда остальной части РФ, отличаются большей концентрацией работников более молодого возраста, а также преобладанием работников со средним профессиональным образованием [26]. Важным выводом другого исследования стало то, что миграционная убыль населения из районов Крайнего Севера связана с повышением заработной платы в европейской части России [4]. Период 2019–2023 гг. характеризовался несколькими экзогенными макрошоками (COVID-19, внешние санкции, геополитическая нестабильность), которые не могли не сказаться на функционировании рынков труда, в том числе и северных территорий. Для нашего анализа мы как раз обращаемся к этому периоду, используя данные Росстата из трех сборников: «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», «Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации». К сожалению, статистическая информация, содержащаяся в двух последних сборниках, неполная, поэтому приходится дополнительно обращаться к сборникам по регионам. Сложность заключается в том, что как в Арктическую зону РФ [4], так и в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей некоторые субъекты РФ входят лишь частично, поэтому, используя общую региональную статистику, невозможно выделить показатели, относящиеся только к северным территориям. По названным причинам мы обращаемся к информации Росстата о показателях социально-экономического развития северных территорий там, где это воз-

можно, а в остальных случаях используем данные по субъектам РФ, территории которых полностью или в большей их части включены в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, так как их число выше, чем число территорий, входящих в Арктическую зону РФ, а территория Арктической зоны РФ в значительной части входит в состав территории районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

Начнём с анализа миграционного прироста населения на северных территориях в 2019–2023 гг., так как миграция на Севере и в Арктике тесно связана с возможностями занятости. Как видно на рис. 1, в 2021 и 2023 гг. наблюдался положительный прирост на территориях районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а в 2023 г. – даже на территории Арктической зоны РФ.

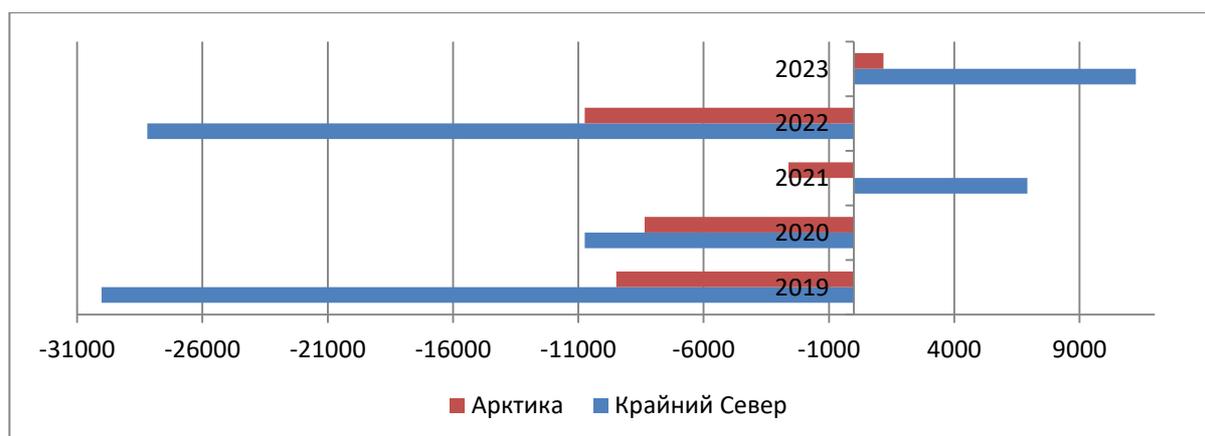

Рис. 1. Миграционный прирост (+), (-), чел. ²

Важно отметить, что, несмотря на положительный миграционный прирост в целом по северным территориям, происходил он преимущественно за счет нескольких регионов, где положительное сальдо миграции наблюдалось и ранее, но в 2021 и 2023 гг. абсолютные цифры миграционного прироста на территориях-реципиентах стали настолько высоки, что перекрыли миграционную убыль из других регионов. Абсолютным лидером по положительным значениям показателей миграционного прироста является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — это единственный регион из рассматриваемых, где в течение всего периода 2019–2023 гг. было зафиксировано положительное сальдо миграции (рис. 2).

² Источник: составлено авторами по данным Росстата. Здесь и далее для простоты восприятия рисунков под «Арктикой» понимается Арктическая зона РФ, под «Крайним Севером» — районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

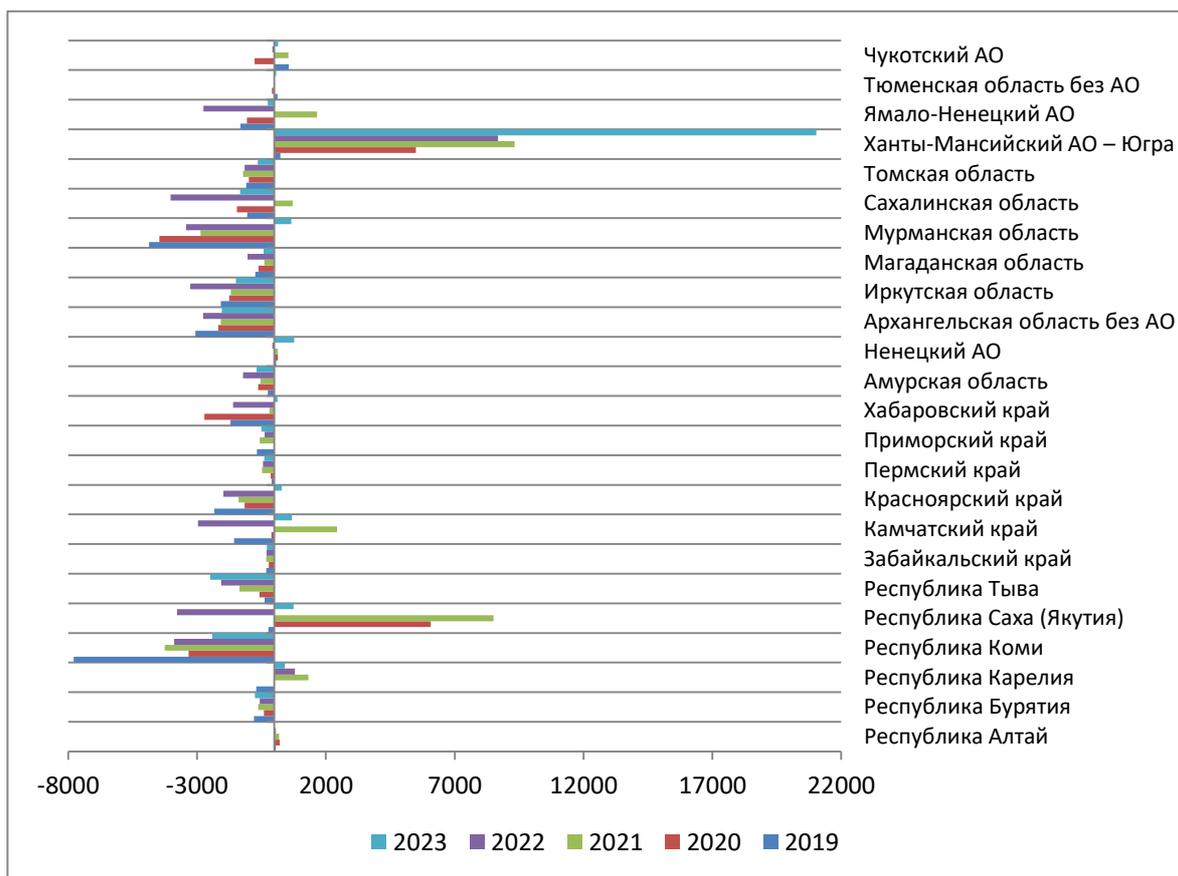

Рис. 2. Миграционный прирост (+), (-) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях соответствующего субъекта РФ, человек³.

Положительный миграционный прирост — нетипичная ситуация для северных территорий РФ, как это было показано в обзоре литературы. Также выше было отмечено, что основная причина переезда на Север и в Арктику — это лучшие возможности для занятости, поэтому обзор основных изменений на рынках труда северных территорий РФ является интересной и важной задачей. Отметим, что численность занятых на северных территориях РФ в 2019–2023 гг. также росла, причём на территориях Арктической зоны РФ этот рост начался даже раньше, чем в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, что также выглядит достаточно необычно (рис. 3).

³ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 3. Среднесписочная численность работников организаций, осуществляющих деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (левая ось) и в Арктической зоне Российской Федерации (правая ось), тыс. чел.

При этом структура занятости за рассматриваемый период практически не изменилась (рис. 4 и 5). Важно, что более 40% всех занятых в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в 2019–2023 гг. были заняты в добывающих регионах, в том числе почти 30% — в автономных округах Тюменской области (ХМАО-Югра и ЯНАО).

Рис. 4. Распределение численности занятых по видам экономической деятельности в 2019 г., % от общей численности занятых⁴.

⁴ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

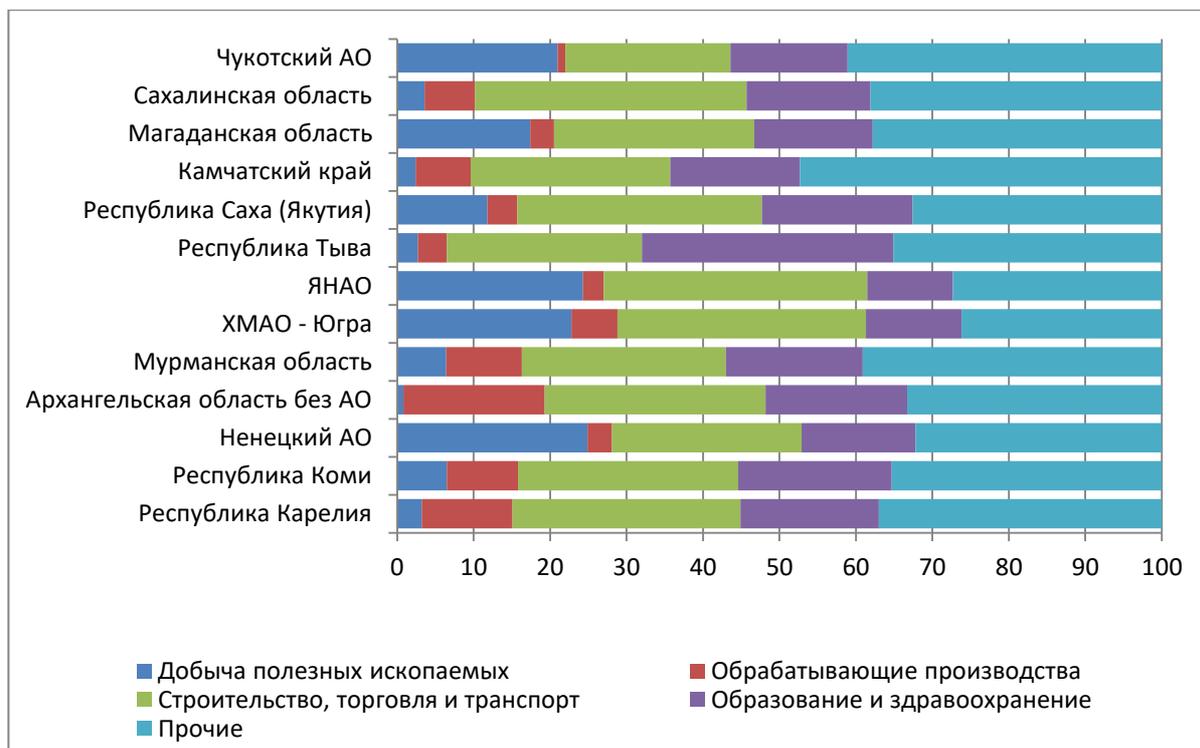

Рис. 5. Распределение численности занятых по видам экономической деятельности в 2023 г., % от общей численности занятых⁵.

Как отмечалось выше, возрастной и образовательный состав занятых рынков труда северных территорий имеет свои особенности, в частности, более молодой возраст по сравнению с другими территориями РФ. В 2019–2023 гг. изменения в возрастном составе занятых происходили в сторону смещения от молодых к старшим возрастным группам (табл. 1). Во всех субъектах РФ, представленных в табл. 1 (кроме Чукотского автономного округа), сократилась доля занятых в возрасте 15–29 лет, соответственно, выросли доли занятых в других возрастных группах, включая самую старшую — 60+ лет.

Таблица 1

Возрастной состав занятых в соответствующем субъекте РФ в 2019 и 2023 гг., % к общей численности занятых

	15–29 лет			30–59 лет			60 лет и старше		
	2019	2023	изменение, п.п.	2019	2023	изменение, п.п.	2019	2023	изменение, п.п.
Республика Карелия	18,4	14,4	-4	75,3	77,6	2,3	6,4	8	1,6
Республика Коми	17,5	13,1	-4,4	76,2	80,4	4,2	6,3	6,4	0,1
Ненецкий АО	16,3	15	-1,3	77,6	77,9	0,3	6	7,1	1,1
Архангельская область (без АО)	18,5	14,5	-4	75,5	79,5	4	6	6,1	0,1
Мурманская область	18,7	14,3	-4,4	74,1	79,3	5,2	7,2	6,4	-0,8
Ханты-Мансийский АО — Югра	16,7	15,2	-1,5	80,7	81,9	1,2	2,5	2,9	0,4
Ямало-Ненецкий АО	14,8	14,6	-0,2	83,2	80,8	-2,4	1,9	4,6	2,7
Республика Тыва	21,1	18,3	-2,8	74,3	77,9	3,6	4,6	3,8	-0,8

⁵ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Республика Саха (Якутия)	21,2	19,6	-1,6	71,1	72	0,9	7,7	8,4	0,7
Камчатский край	17,5	14,5	-3	73,9	76,2	2,3	8,6	9,3	0,7
Магаданская область	14,8	13,1	-1,7	75	76,3	1,3	10,2	10,6	0,4
Сахалинская область	16	14	-2	73,1	74,9	1,8	10,8	11,1	0,3
Чукотский АО	12,8	16,9	4,1	78,5	77,7	-0,8	8,7	5,4	-3,3

В образовательном составе занятых в 2019–2023 гг. наблюдалась динамика в сторону увеличения доли занятых с более низкими уровнями образования (табл. 2). Как и ранее [26], в 2019–2023 гг. в составе занятых наибольший удельный вес занимали работники со средним профессиональным образованием (исключение — ЯНАО), но при этом заметна тенденция сокращения доли занятых с высшим образованием и увеличение удельного веса работников с образованием ниже среднего профессионального. Только три из рассматриваемых субъектов продемонстрировали положительную динамику структуры занятых в сторону более высоких уровней образования — Мурманская область, Камчатский край и Сахалинская область (табл. 2).

Таблица 2

Образовательный состав занятых в соответствующем субъекте РФ в 2019 и 2023 гг.,
% к общей численности занятых

	высшее			среднее профессиональное			среднее общее и ниже		
	2019	2023	изменение, п.п.	2019	2023	изменение, п.п.	2019	2023	изменение, п.п.
Республика Карелия	27,5	26,8	-0,7	53,7	52,5	-1,2	18,8	20,7	1,9
Республика Коми	28,5	31,6	3,1	54,1	50,3	-3,8	17,4	18,1	0,7
Ненецкий АО	36,9	31,5	-5,4	48,5	54,6	6,1	14,6	13,9	-0,7
Архангельская область (без АО)	28,3	27,9	-0,4	54,3	54,2	-0,1	17,4	17,9	0,5
Мурманская область	36,3	37,4	1,1	45,8	46	0,2	17,9	16,6	-1,3
Ханты-Мансийский АО — Югра	37,9	32,2	-5,7	45,3	48,7	3,4	16,8	19,1	2,3
Ямало-Ненецкий АО	46,4	45,5	-0,9	38,4	38,4	0	15,2	16,1	0,9
Республика Тыва	35,4	34,6	-0,8	44,3	42,5	-1,8	20,3	22,9	2,6
Республика Саха (Якутия)	36,2	35,8	-0,4	41,9	41,8	-0,1	21,9	22,4	0,5
Камчатский край	37,3	39,2	1,9	41,2	46	4,8	21,5	14,8	-6,7
Магаданская область	41,3	35,7	-5,6	39,4	47,2	7,8	19,3	17,1	-2,2
Сахалинская область	27,3	31,8	4,5	44,6	46,5	1,9	28,1	21,7	-6,4
Чукотский АО	35,3	25,6	-9,7	48,4	67,9	19,5	16,3	6,5	-9,8

Заработная плата и показатели напряжённости на рынках труда

Миграционный прирост и численность занятых, о которых шла речь выше, косвенно характеризуют рынки труда. Прямыми индикаторами состояния рынка труда являются динамика заработной платы и ряд показателей, дающих в совокупности представление о том, насколько легко или сложно найти работу на данном локальном рынке труда. К последним относятся уровень общей безработицы, среднее время поиска работы и удельный вес длительно безработных в общей численности безработных. Если рассуждать о показателях локального рынка труда в терминах миграции, то можно сказать, что, принимая решение о переезде в новый город или регион, работники ориентируются на то, насколько просто найти там работу и сколько можно заработать по сравнению с рынками труда других регионов. Именно поэтому миграция и численность занятых являются последствиями решений индивидов, принятых ими исходя из представления о состоянии рынков труда, с одной стороны, и отражают состояние спроса на труд на локальном рынке труда, с другой стороны. Поскольку для жизни и / или переезда на северные территории со сложными природно-климатическими условиями требуются существенно лучшие условия для трудоустройства на этих территориях по сравнению с другими локальными рынками труда, то мы будем анализировать не динамику показателей состояния рынков труда как таковую, а сопоставлять её со среднероссийскими значениями.

Высокая заработная плата — фактор, который ещё со времён СССР привлекал работников в северные города и регионы, но уже более двадцати лет соотношение между заработными платами в северных и прочих регионах РФ меняется в пользу последних [4]. На рис. 6 показано отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций Крайнего Севера и приравненных к ним местностей и Арктической зоны РФ к аналогичному показателю по РФ в целом.

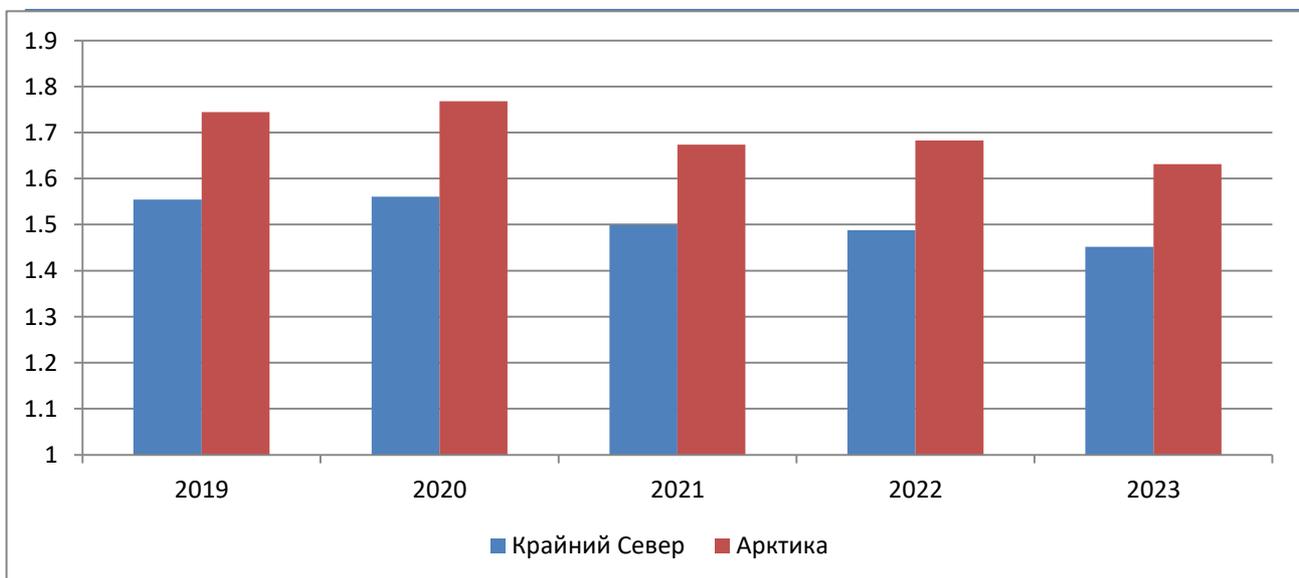

Рис. 6. Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций соответствующей территории к аналогичному показателю в целом по РФ ⁶.

Видно, что за период 2019–2023 гг. средние размеры заработных плат на Севере и в Арктике ещё больше приблизились к общероссийским показателям. В региональном разрезе мы сравнили отношение среднемесячной начисленной заработной платы в соответствующем субъекте РФ к средней по стране (табл. 3) и отношение среднемесячной начисленной заработной платы в соответствующем субъекте РФ к региональному прожиточному минимуму трудоспособного населения (табл. 4). Стоит отметить, что в трёх субъектах РФ (Архангельская область (без АО), Республика Карелия и Республика Тыва) средняя заработная плата в 2023 г. не дотягивала до среднероссийской (в 2019 г. это была только Республика Тыва). В целом в 2023 г. средняя заработная плата выросла относительно общероссийского показателя по сравнению с 2019 г. только в Чукотском АО, ЯНАО, Магаданской области, Сахалинской области и ХМАО — Югре, в остальных регионах анализируемый показатель снизился (табл. 3), т. е. данные регионы стали менее привлекательными для занятости по сравнению с остальными. Если же мы нормируем среднюю региональную заработную плату на прожиточный минимум трудоспособного населения (табл. 4), то, наоборот, в большинстве регионов в 2023 г. по сравнению с 2019 г. это соотношение выросло, за исключением Сахалинской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов. Описанные результаты можно интерпретировать таким образом, что с точки зрения динамики заработных плат большинство северных регионов стало менее привлекательным для мигрантов, но уровень жизни тех, кто в них уже проживает, несколько вырос. В трёх регионах — Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и Магаданской области — увеличились оба анализируемых показателя (табл. 3, табл. 4).

⁶ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 3

Отношение среднемесячной начисленной заработной платы в соответствующем субъекте РФ к средней по стране

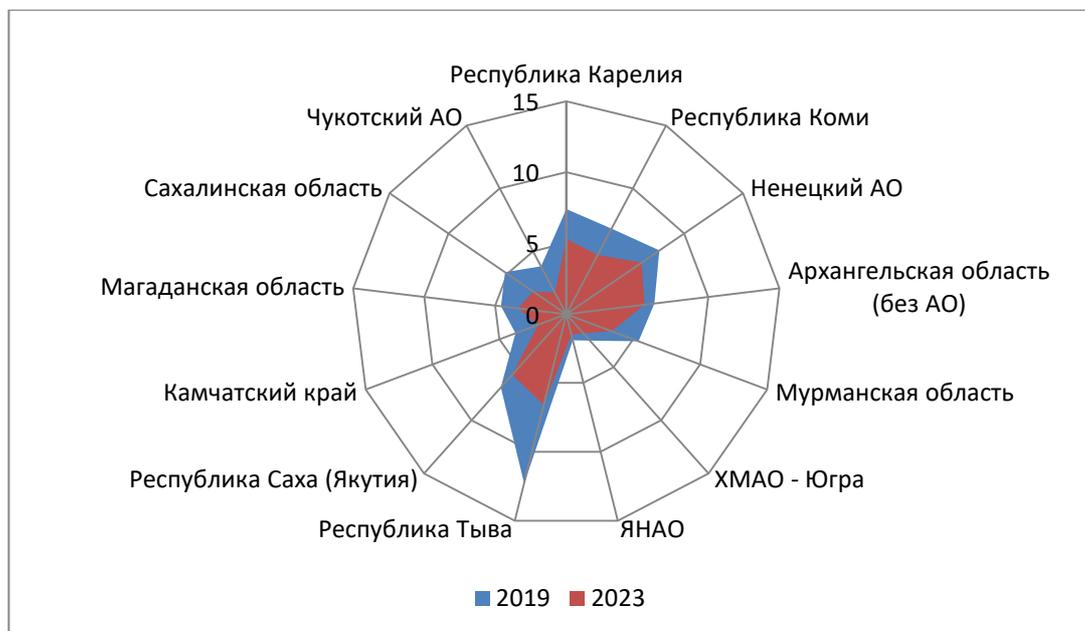
место	2019		2023	
	1	Чукотский АО	1,93	Чукотский АО
2	Камчатский край	1,83	ЯНО	1,94
3	Ненецкий АО	1,78	Магаданская область	1,80
4	Магаданская область	1,76	Камчатский край	1,60
5	Республика Саха (Якутия)	1,54	Ненецкий АО	1,59
6	Мурманская область	1,48	Сахалинская область	1,53
7	ЯНО	1,44	Республика Саха (Якутия)	1,47
8	ХМАО — Югра	1,38	ХМАО — Югра	1,44
9	Сахалинская область	1,33	Мурманская область	1,32
10	Республика Карелия	1,26	Республика Коми	1,04
11	Республика Коми	1,25	Архангельская область (без АО)	0,97
12	Архангельская область (без АО)	1,17	Республика Карелия	0,87
13	Республика Тыва	0,92	Республика Тыва	0,77

Таблица 4

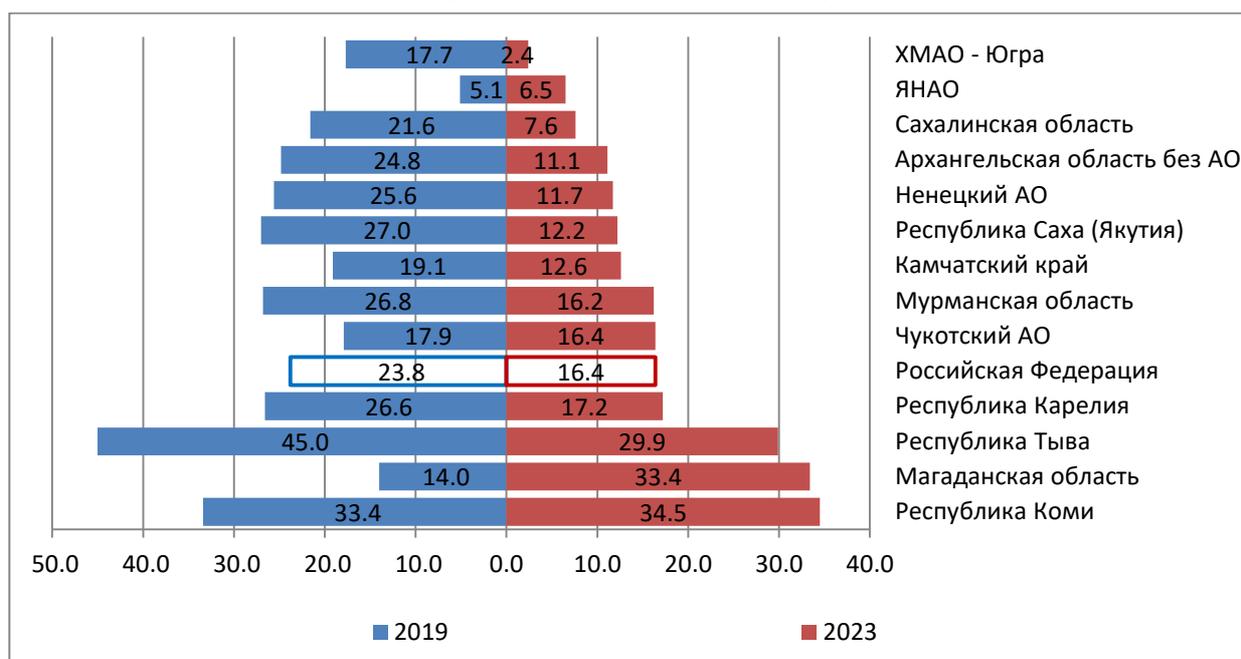
Отношение среднемесячной начисленной заработной платы в соответствующем субъекте РФ к региональному прожиточному минимуму трудоспособного населения

место	2019		2023	
	1	ЯНО	5,92	ЯНО
2	Сахалинская область	5,55	Сахалинская область	5,37
3	Чукотский АО	4,70	ХМАО — Югра	5,05
4	ХМАО — Югра	4,61	Магаданская область	4,94
5	Магаданская область	4,57	Республика Саха (Якутия)	4,66
6	Ненецкий АО	4,19	Камчатский край	4,16
7	Республика Саха (Якутия)	4,03	Ненецкий АО	4,08
8	Камчатский край	3,72	Республика Коми	4,08
9	Мурманская область	3,64	Чукотский АО	4,06
10	Республика Тыва	3,64	Архангельская область (без АО)	3,99
11	Республика Коми	3,62	Мурманская область	3,86
12	Архангельская область (без АО)	3,57	Республика Тыва	3,65
13	Республика Карелия	2,89	Республика Карелия	3,32

Далее выясним, насколько изменилась лёгкость поиска работы на рынках труда северных территорий. Уровень общей (измеренной по методологии МОТ) безработицы в 2023 г. снизился по сравнению с 2019 г. во всех анализируемых субъектах РФ (рис. 7), особенно выражена обозначенная динамика в Республике Тыва, Сахалинской области, Чукотском АО, Республиках Карелия и Коми. Самый высокий уровень безработицы как в 2019 г., так и в 2023 г. был в Республике Тыва, на втором месте — Ненецкий АО.

Рис. 7. Уровень общей безработицы, %⁷.

По показателю «удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более» ситуация в 2023 г. существенно изменилась по сравнению с 2019 г. во многих анализируемых субъектах РФ (рис. 8). В 2019 г. в семи регионах (Архангельская и Мурманская области, Ненецкий АО, Республики Саха (Якутия), Карелия, Тыва и Коми) этот показатель превышал общероссийский, а в 2023 г. — только в четырех (Республики Карелия, Тыва и Коми и Магаданская область). В 2023 г. безработные стали быстрее находить работу почти во всех рассматриваемых регионах, кроме ЯНАО, Магаданской области и Республики Коми. Менее 10% удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в 2019 г. был только в ЯНАО, а в 2023 г. — в ЯНАО, ХМАО — Югре и Сахалинской области (рис. 8).

Рис. 8. Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, %⁸.⁷ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Среднее время поиска работы безработными в большинстве анализируемых регионов также сократилось в 2023 г. по сравнению с 2019 г. (рис. 9), за исключением ЯНАО, Камчатского края, Чукотского АО, Республики Коми и Магаданской области. Наименьшее среднее время поиска работы безработными и в 2019 г., и в 2023 гг. было в ЯНАО и ХМАО-Югре. Отметим, что среднее время поиска работы безработными в 2023 г. сократилось и в целом по РФ по сравнению с 2019 г., что могло быть вызвано, например, дефицитом трудовых ресурсов. При этом, если в 2019 г. поиск работы длился дольше, чем в среднем по РФ, в пяти регионах (Сахалинская область, Ненецкий АО, Республики Саха (Якутия), Тыва и Коми), то в 2023 г. их было уже восемь — Республики Карелия, Тыва, Коми, Камчатский край, Мурманская и Магаданская области, Чукотский и Ненецкий АО. Абсолютные значения этого показателя также существенно отличались между северными регионами как в 2019 г., так и в 2023 г. — отношение наибольшего значения к наименьшему составляло около трёх раз (рис. 9).

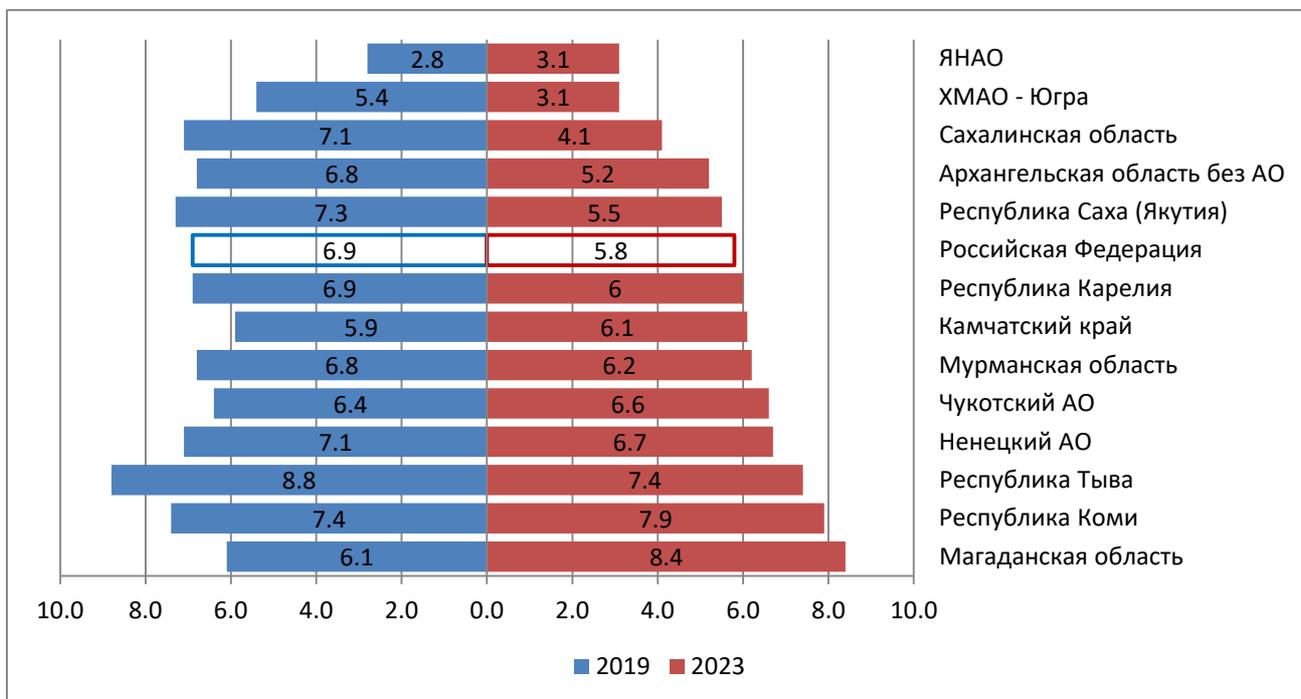

Рис. 9. Среднее время поиска работы безработными, месяцев⁹.

Таким образом, в 2019–2023 гг. сохранялась высокая гетерогенность рынков труда северных территорий по многим показателям. Положительной динамикой можно считать сокращение общей безработицы во всех анализируемых регионах и среднего времени поиска работы безработными на большинстве из рассматриваемых рынков труда. Наиболее благополучными являются рынки труда автономных добывающих округов — ХМАО-Югра, ЯНАО, Чукотского и Ненецкого. Абсолютным лидером по совокупности показателей и их динамике является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, к тому же он является и самым большим по емкости северным рынком труда — в рассматриваемом периоде там было за-

⁸ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

⁹ Источник: составлено авторами по данным Росстата.

нято более 20% от всех работников районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Рынок труда Ямало-Ненецкого автономного округа также функционирует стабильно хорошо, но следует отметить некоторую отрицательную динамику в показателях поиска работы. Рынки труда Чукотского и Ненецкого автономных округов небольшие по размеру, но имеют огромное значение для развития северных территорий и показали положительную динамику по большинству индикаторов, и, как следствие — миграционный прирост. Небольшие абсолютные значения показателей, но их положительную динамику продемонстрировали старые северные промышленные регионы — Мурманская и Архангельская области, причём в Мурманской области улучшилась образовательная и возрастная структура занятых. Отдельно стоит сказать про Республику Тыва, которая всегда демонстрировала крайне низкие значения показателей и их негативную динамику. В 2019–2023 гг. Республика Тыва хоть и продолжала оставаться одним из экономически депрессивных регионов, показала положительную динамику по целому ряду показателей, включая снижение напряжённости на рынке труда. В то время как Республика Коми, наоборот, почти по всем рассматриваемым показателям ухудшила своё положение. Некоторые негативные тенденции демонстрирует и Магаданская область — при сохраняющейся достаточно высокой заработной плате относительно других регионов, в 2019–2023 гг. здесь вырос период поиска работы.

Заключение

Относительно небольшой, но очень важный период 2019–2023 гг. характеризовался высокой нестабильностью экономик и рынков труда многих регионов и стран. Рынки труда северных территорий в любой период достаточно гибкие, занятость на них крайне переменчива и зависит от спроса на труд, как на Севере, так и на остальных территориях страны. В 2019–2023 гг. наблюдались периоды миграционного прироста населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в Арктической зоне РФ, что говорит о достаточной привлекательности этих территорий, в первую очередь, с точки зрения рынков труда и условий занятости. Более подробный анализ региональных рынков труда северных территорий показал, что, несмотря на сохраняющиеся большие разрывы в значениях показателей, описывающих их функционирование, направления динамики этих показателей во многих регионах были положительными. Положительные изменения в первую очередь касаются показателей напряжённости на рынке труда: общей безработицы и времени поиска работы безработными. Единственным исключением здесь является Республика Коми, где увеличился как удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, так и среднее время поиска работы безработными.

К негативным тенденциям, с точки зрения функционирования рынков труда северных территорий, можно отнести снижение соотношения между средней заработной платой на Севере и в среднем по стране. Названная тенденция сохраняется уже не один десяток лет и является одной из главных причин оттока населения из северных и арктических регионов.

Также она может быть причиной ухудшения образовательной и возрастной структуры занятых в большинстве рассматриваемых регионов, что снижает их трудовой потенциал. В то же время в подавляющем большинстве северных регионов улучшился показатель отношения среднемесячной начисленной заработной платы в соответствующем субъекте РФ к региональному прожиточному минимуму трудоспособного населения, что говорит о некотором повышении уровня жизни проживающего там населения.

Список источников

1. Пилясов А.Н. Российский арктический фронт: Парадоксы развития // Регион: экономика и социология. 2015; 3 (87): 3–36. <https://doi.org/10.15372/REG20150901>
2. Крюков В.А. Моногорода и освоение сырьевых ресурсов на стадии высокой степени зрелости ресурсной базы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019; 1 (11): 98–105. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-98-105>
3. Трофимов С.Е. Арктический шельф как стратегический регион развития российской экономики. // Вопросы экономики. 2019; 7: 147–160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-147-160>
4. Гильтман М.А., Обухович Н.В., Ларионова Н.И. Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. Социология. Этнология. 2020; 29 (3): 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-28-50>
5. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017; 3: 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>
6. Пилясов А.Н. Арктическая диагностика: плох не метр — явление другое // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018; 5 (61): 35–54. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.35-54>
7. Khoreva O., Konchakov R., Leonard C., Tamitskiy A., Zaikov K. Attracting skilled labour to the North: Migration loss and policy implications across Russia's diverse Arctic regions // Polar Record. 2018; 54 (5–6): 324–338. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000019>
8. Carson D., Carson D., Nordin G., Sköld P. Lessons from the Arctic Past: The Resource Cycle, Hydro Energy Development, and the Human Geography of Jokkmokk, Sweden // Energy Research & Social Science. 2016; 16: 13–24. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.03.003>
9. Emelyanova A. Exploring the Future Population and Educational Dynamics in the Arctic: 2015 to 2050 // Finnish Yearbook of population research. 2019; 53: 1–24. <https://doi.org/10.23979/fypr.70159>
10. Hamilton L., Wirsing J., Saito K. Demographic Variation and Change in the Inuit Arctic // Environmental Research Letters. 2018; 13 (11): 115007. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/aae7ef>
11. Kadenic M. Socioeconomic Value Creation and the Role of Local Participation in Large-Scale Mining Projects in the Arctic // The Extractive Industries and Society. 2015; 2 (3): 562–571. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.04.010>
12. Rolfe J., Miles B., Lockie S., Ivanova G. Lessons from the Social and Economic Impacts of the Mining Boom in the Bowen Basin 2004–2006 // Australasian Journal of Regional Studies. 2007; 13 (2): 134–153.
13. Suopajärvi L., Poelzer G., Ejdemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. Social Sustainability in Northern Mining Communities: A Study of the European North and Northwest Russia // Resources Policy. 2016; 47: 61–68. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.11.004>
14. Tano S., Pettersson O., Stjernström O. Labour Income Effects of the Recent «Mining Boom» in Northern Sweden // Resources Policy. 2016; 49: 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2016.03.004>
15. Wilson E., Stammler F. Beyond Extractivism and Alternative cosmologies: Arctic Communities and Extractive Industries in Uncertain Times // The Extractive Industries and Society. 2016; 3 (1): 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.001>

16. Heleniak T. The future of the Arctic populations // *Polar Geography*. 2021; 44 (2): 136–152. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1707316>
17. Соколова Ф.Х. Миграционные процессы в Российской Арктике // *Арктика и Север*. 2016; 25: 158–172. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>
18. Howe E. Patterns of migration in Arctic Alaska // *Polar Geography*. 2009; 32 (1–2): 69–89. <https://doi.org/10.1080/10889370903000422>
19. Lundgren A., Randall L., Norlén G., Jokinen J. C., Andréasson U., Wang S., Cuadrado A., Rotvold G.-H., Franzén E., Vestergård L., Penje O., Kristiansen T. Wellbeing, Health and Digitalisation Edition, State of the Nordic Region 2020. Nordic Council of Ministers; 2020. 71 p.
20. Glaeser E. The challenge of urban policy // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2012; 31 (1): 111–122. <https://doi.org/10.1002/pam.20631>
21. Huskey L., Howe E. The Complex Geography of Alaska Native Migration in the Arctic // *Migration in the Circumpolar North: Lessons Learned, Questions Remaining*. CCI Press in cooperation with the University of the Arctic; 2010. 233 p.
22. Larsen J.N., Fondahl G. Major findings and emerging trends in Arctic human development. Arctic Human Development Report—Regional Processes and Global Linkages // *TemaNord*. 2014; 567: 475–497.
23. Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2020; 4: 69–82.
24. Смирнов А.В. Пространственные закономерности человеческого развития российского севера // *Проблемы развития территории*. 2020; 6 (110): 35–49. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.3>
25. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Социально трудовые характеристики локальных рынков труда Российской Арктики // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2019; 4 (40): 81–90. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-81-90>
26. Гильтман М.А. Занятость на Севере России: анализ на основе микроданных // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2017; 3 (35): 103–124. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-5>
27. Tsykalov A., Goncharov R., Koptseva N., Pelyasov A., Poturaeva A., Zamiatina N. Main Principles of the Strategy of Socioeconomic Development of the Northern and Arctic Regions of the Krasnoyarsk Territory (Krai) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020; 13 (5): 800–817. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0608>
28. Экономико-теоретические исследования в Финансовом университете. История и современность: монография / Под ред. О.В. Карамовой, Д.Р. Песковой. Москва, Русайнс; 2021. 271 с.
29. Romashkina G., Skipin D., Yukhtanova Y., Dolgikh A. Development of human capital in the Arctic regions of Russia // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020; 539: 012111. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012111>
30. Jungsberg L., Wang S. Atlas of population, society and economy in the Arctic // *Nordregio Working Paper*; 2019. 80 p.
31. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // *Арктика: экология и экономика*. 2020; 4 (40): 4–18. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>
32. Anderson I., Robson B., Connolly M., Al-Yaman F., Bjertness E., King A., Tynan M., Madden R., Bang A., Coimbra Jr. C., Pesantes A., Amigo H., Andronov S., Armien B., Obando D., Axelsson P., Bhatti Z., Bhutta Z., Bjerregaard P., Yap L. Indigenous and Tribal Peoples' Health (The Lancet-Lowitja Institute Global Collaboration): A Population study // *The Lancet*. 2016; 388: 131–157. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(16\)00345-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(16)00345-7)
33. Skrupskaya Y. Migration in the Arctic Region // *Working Paper*. WP7/2020/02. National Research University Higher School of Economics; 2020. 41 p.
34. Hamilton L., Mitiguy A. Visualizing Population Dynamics of Alaska's Arctic Communities // *Arctic*. 2009; 62 (4): 393–398. <https://doi.org/10.14430/arctic170>

References

1. Pelyasov A.N. Russian Arctic Frontier: Paradoxes of Development. *Region: Economics and Sociology*. 2015; 3 (87): 3–36. <https://doi.org/10.15372/REG20150901>
2. Kryukov V.A. Monotowns and Resources Development at the Mature Stage of Mineral Resource Potential. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2019; 1 (11): 98–105. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-98-105>
3. Trofimov S.E. Arctic Shelf as a Strategic Region of Development of the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki*. 2019; 7: 147–160. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-147-160>
4. Giltman M.A., Obukhovich N.V., Larionova N.I. The Impact of Wages in the European Part of Russia on Migration in the Far North. *Mir Rossii*. 2020; 29 (3): 28–50. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-28-50>
5. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Concept of Proximity: Foreign Experience and Prospects of Application in Russia. *Regional Research of Russia*. 2017; 3: 8–21. <https://doi.org/10.7868/S037324441703001X>
6. Pilyasov A.N. Arctic Diagnostics: Bad Is not a Meter — This Is another Phenomenon. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2018; 5 (61): 35–54. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.35-54>
7. Khoreva O., Konchakov R., Leonard C., Tamitskiy A., Zaikov K. Attracting Skilled Labour to the North: Migration Loss and Policy Implications across Russia's Diverse Arctic Regions. *Polar Record*. 2018; 54 (5–6): 324–338. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000019>
8. Carson D., Carson D., Nordin G., Sköld P. Lessons from the Arctic Past: The Resource Cycle, Hydro Energy Development, and the Human Geography of Jokkmokk, Sweden. *Energy Research & Social Science*. 2016; 16: 13–24. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.03.003>
9. Emelyanova A. Exploring the Future Population and Educational Dynamics in the Arctic: 2015 to 2050. *Finnish Yearbook of Population research*. 2019; 53: 1–24. <https://doi.org/10.23979/fypr.70159>
10. Hamilton L., Wirsing J., Saito K. Demographic Variation and Change in the Inuit Arctic. *Environmental Research Letters*. 2018; 13 (11): 115007. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/aae7ef>
11. Kadenic M. Socioeconomic Value Creation and the Role of Local Participation in Large-Scale Mining Projects in the Arctic. *The Extractive Industries and Society*. 2015; 2 (3): 562–571. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.04.010>
12. Rolfe J., Miles B., Lockie S., Ivanova G. Lessons from the Social and Economic Impacts of the Mining Boom in the Bowen Basin 2004–2006. *Australasian Journal of Regional Studies*. 2007; 13 (2): 134–153.
13. Suopajärvi L., Poelzer G., Ejdemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. Social Sustainability in Northern Mining Communities: A Study of the European North and Northwest Russia. *Resources Policy*. 2016; 47: 61–68. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.11.004>
14. Tano S., Pettersson O., Stjernström O. Labour Income Effects of the Recent “Mining Boom” in Northern Sweden. *Resources Policy*. 2016; 49: 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2016.03.004>
15. Wilson E., Stammler F. Beyond Extractivism and Alternative Cosmologies: Arctic Communities and Extractive Industries in Uncertain Times. *The Extractive Industries and Society*. 2016; 3 (1): 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.001>
16. Heleniak T. The Future of the Arctic Populations. *Polar Geography*. 2021; 44 (2): 136–152. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1707316>
17. Sokolova F.H. Migration Processes in the Russian Arctic. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2016; 25: 158–172. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>
18. Howe E. Patterns of Migration in Arctic Alaska. *Polar Geography*. 2009; 32 (1–2): 69–89. <https://doi.org/10.1080/10889370903000422>
19. Lundgren A., Randall L., Norlén G., Jokinen J. C., Andréasson U., Wang S., Cuadrado A., Rotvold G.-H., Franzén E., Vestergård L., Penje O., Kristiansen T. *Wellbeing, Health and Digitalisation Edition, State of the Nordic Region 2020*. Nordic Council of Ministers; 2020. 71 p.

20. Glaeser E. The Challenge of Urban Policy. *Journal of Policy Analysis and Management*. 2012; 31 (1): 111–122. <https://doi.org/10.1002/pam.20631>
21. Huskey L., Howe E. The Complex Geography of Alaska Native Migration in the Arctic. In: *Migration in the Circumpolar North: Lessons Learned, Questions Remaining*. CCI Press in Cooperation with the University of the Arctic; 2010. 233 p.
22. Larsen J.N., Fondahl G. Major Findings and Emerging Trends in Arctic Human Development. Arctic Human Development Report—Regional Processes and Global Linkages. *TemaNord*. 2014; 567: 475–497.
23. Zamyatina N.Yu., Goncharov R.V. Arctic Urbanization: A Phenomenon and a Comparative Analysis. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2020; 4: 69–82.
24. Smirnov A.V. Spatial Patterns of Human Development in the Russian North. *Problems of Territory's Development*. 2020; 6 (110): 35–49. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.3>
25. Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Social and Labor Characteristics of Local Labor Markets in the Russian Arctic. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2019; 4 (40): 81–90. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-81-90>
26. Giltman M.A. Employment in the North of Russia: Microdata Analysis. *Journal of the New Economic Association*. 2017; 3 (35): 103–124. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-5>
27. Tsykalov A., Goncharov R., Koptseva N., Pelyasov A., Poturaeva A., Zamiatina N. Main Principles of the Strategy of Socioeconomic Development of the Northern and Arctic Regions of the Krasnoyarsk Territory (Krai). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020; 13 (5): 800–817. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0608>
28. Karamova O.V., Peskova D.R., eds. *Economic and Theoretical Research at the Financial University. History and Modernity*. Moscow, Rusayns Publ.; 2021. 271 s. (In Russ.)
29. Romashkina G., Skipin D., Yukhtanova Y., Dolgikh A. Development of Human Capital in the Arctic Regions of Russia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020; 539: 012111. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012111>
30. Jungsberg L., Wang S. *Atlas of Population, Society and Economy in the Arctic*. Nordregio Working Paper; 2019. 80 p.
31. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migration of the Russian Arctic Population: Models, Routes, Results. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020; 4 (40): 4–18. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>
32. Anderson I., Robson B., Connolly M., Al-Yaman F., Bjertness E., King A., Tynan M., Madden R., Bang A., Coimbra Jr. C., Pesantes A., Amigo H., Andronov S., Armien B., Obando D., Axelsson P., Bhatti Z., Bhutta Z., Bjerregaard P., Yap L. Indigenous and Tribal Peoples' Health (The Lancet-Lowitja Institute Global Collaboration): A Population Study. *The Lancet*. 2016; 388: 131–157. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(16\)00345-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(16)00345-7)
33. Skrupskaya Y. *Migration in the Arctic Region*. National Research University Higher School of Economics; 2020. 41 p. (In Russ.)
34. Hamilton L., Mitiguy A. Visualizing Population Dynamics of Alaska's Arctic Communities. *Arctic*. 2009; 62 (4): 393–398. <https://doi.org/10.14430/arctic170>

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2025;
принята к публикации 30.01.2025

Вклад авторов:

Гильтман М.А. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста;
доработка таблиц и диаграмм: доработка текста; итоговые выводы.
Мерзлякова А.Ю. — работа с данными, диаграммами и расчётами показателей в таблицах.
Ларионова Н.И. — работа с литературой, обзор исследований, написание исходного текста
второго раздела.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов